

(Изъ Казанской Окружной Лѣчебницы).

СЛУЧАЙ ПРИТВОРНАГО СЛАБОУМІЯ (SIMULATIO DEMENTIAE) ¹⁾.

Д-РА МЕД. **Н. Я. СМЪЛОВА.**

Возрѣнія авторовъ на симуляцію душевныхъ болѣзней отличаются значительнымъ разногласіемъ, доходящимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ до полного противорѣчія. Одни авторы, какъ, напр., *Schüle* ²⁾, въ теченіи 15-ти лѣтней психіатрической практики не встрѣтившій ни одного случая притворнаго помѣшательства, замѣчаетъ, что притворство въ душевныхъ болѣзняхъ „существуетъ скорѣе какъ призракъ, нежели какъ реальный фактъ“. Того же почти мнѣнія относительно симуляціи психозовъ *Jessen* ³⁾, *Sander* ⁴⁾ (изъ 190 испытуемыхъ встрѣтилъ только два случая притворства), *Moeli* ⁵⁾, *Vingtrier* ⁶⁾ (изъ 43,000 преступниковъ констатировалъ симуляцію психоза только у одного) и друг. Эти авторы какъ бы въ поясненіе своихъ выводовъ относительно рѣдкости симуляціи

¹⁾ Сообщено въ Обществѣ невропатологовъ при Казанскомъ университетѣ 26 ноября 1896 г.

²⁾ *Schüle*. Руководство къ душевнымъ болѣзнямъ. Пер. д-ра Фридриха. 1880 г.

³⁾ *Jessen*. Allg. Zeitschr. f. Psych. Bd. XVI. H. 3.

⁴⁾ *Sander* u. *Richter*. Die Beziehungen zwischen Geistesstörung und Verbrechen. Berlin. 1886.

⁵⁾ *Moeli*. Ueber irre Verbrecher. Berlin. 1888. Цит. по Говсѣеву—Симуляція душевныхъ болѣзней etc. Харьковъ. 1893.

⁶⁾ Цит. по Говсѣеву—op. cit.

психозовъ говорятъ, что симуляція, собственно говоря, есть симптомъ болѣзни, есть результатъ душевнаго разстройства, что симулировать хорошо можетъ только душевно-больной или субъектъ сильно предрасположенный къ заболѣванію душевною болѣзью, потому что, по ихъ мнѣнію, „въ поведеніи притворщика не можетъ быть надлежащей послѣдовательности и связности, если въ основаніи его не будетъ лежать зачатка настоящаго сумасшествія“ (Maudsly) ¹⁾. Подобнаго же, видимо, мнѣнія придерживается и проф. *Корсаковъ*. Въ своемъ руководствѣ онъ пишетъ: „въ громадномъ большинствѣ случаевъ симулировать душевную болѣзнь начинаетъ человѣкъ, имѣющій дѣйствительные задатки болѣзни“ ²⁾. Проф. *Kraft-Ebing* симуляцію душевныхъ болѣзней считаетъ за крайне рѣдкое явленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ за крайне трудное дѣло. „Нужно думать, говоритъ онъ, что только особенно важные поводы могутъ побудить психически здороваго человѣка къ симуляціи помѣшательства“ ³⁾; кромѣ того онъ добавляетъ, что симулянты, вслѣдствіе сильнаго умственнаго напряженія, которому они подвергаютъ себя, въ заключеніе своего опыта могутъ дѣлаться дѣйствительно помѣшанными“ ⁴⁾.

Взгляды проф. *Fritsch'a* ⁵⁾ по этому вопросу являются до извѣстной степени сглаживающими крайности ученія о неизмѣнно патологическомъ характерѣ притворнаго помѣшательства. По его мнѣнію, симуляція психозовъ встрѣчается у здоровыхъ субъектовъ рѣдко, она въ огромномъ большинствѣ случаевъ наблюдается у лицъ, одержимыхъ различными аномаліями душевной дѣятельности, но эти аномаліи не могутъ считаться душевною болѣзью въ настоящемъ смыслѣ слова, а выражаютъ собою лишь такъ называемое нейропатическое предрасположеніе или психическое вырожденіе.

¹⁾ Schüle. Op. cit. Стр. 552.

²⁾ С. Корсаковъ. Курсъ психіатріи. Москва. 1893. Стр. 236.

³⁾ Kraft-Ebing. Судебная психопатологія. Пер. д-ра Черемшанскаго. 1895. Стр. 54.

⁴⁾ Kraft-Ebing. Op. cit. Стр. 55.

⁵⁾ S. Fritsch. Erfahrungen über Simulation von Irrensinn etc. Jahrbücher f. Psych. Bd. VIII. N. 1 и 2. S, 115.

Другіе же авторы, напротивъ, симуляціи помѣшательства, въ судебно-медицинскомъ смыслѣ, придаютъ немаловажное значеніе. Они утверждаютъ, что случаи симуляціи душевныхъ болѣзней не настолько рѣдки, чтобы они не имѣли научнаго интереса и практическаго значенія. Кромѣ того, казуистика этихъ авторовъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ, что душевное разстройство симулировали вполнѣ здоровые люди. Такого рода казуистикой особенно богата французская психіатрическая литература (Laurent, Morel, Lasegue, Tardieu, Baillarger и др.) ¹⁾. Немаловажное значеніе придаютъ симуляціи психозовъ также и англійскіе авторы (Bucknill и Tuke) ¹⁾. Изъ нѣмецкихъ авторовъ къ данной категоріи можно отнести Bisvanger'a ²⁾ (изъ 73 испытуемыхъ, бывшихъ въ Берлинской Charité, въ теченіи 2-хъ лѣтъ, нашелъ 21 симулянта), Sommer'a ²⁾ (въ Алленбергѣ изъ 48 испытуемыхъ нашелъ 4 симулянта), Fürstner'a ³⁾ (въ Гейдельбергской клиникѣ, за 9 лѣтъ, между 25 испытуемыми нашелъ 12 симулянтовъ) и др. Въ русской литературѣ отмѣчено и описано нѣсколько случаевъ притворнаго помѣшательства: Н. М. Поповъ ⁴⁾, В. Ф. Чижъ ⁵⁾, В. Х. Кандинскій ⁶⁾, Я. В. Гиршсонъ ⁷⁾, В. И. Яковенко ⁸⁾, А. А. Говсѣевъ ⁹⁾, Гивзбургъ-Шибъ ¹⁰⁾ и др.

¹⁾ Цит. по Говсѣеву—op. cit.

²⁾ В. Ф. Чижъ. Душевно-больные арестанты. Вѣстникъ клин. и суд. психіатріи. Т. VI. В. 1.

³⁾ Prof. Fürstner. Ueber Simulation geistiger Störungen. Arch. f. Psych. Bd. XIX. S. 601.

⁴⁾ Н. Поповъ. Случай притворнаго психическаго разстройства. Вѣстн. суд. мед. 1884 г. 1. Стр. 29.

⁵⁾ В. Ф. Чижъ. Душевно-больные арестанты. Вѣстн. клинич. и суд. психіатріи. Т. VI. В. 1. Стр. 32. Д-ръ Чижъ здѣсь отмѣчаетъ, что изъ 102 испытуемыхъ было пять симулянтовъ; одинъ изъ нихъ симулировалъ пассивную меланхолію, другой галлюцинаторное помѣшательство, а потомъ слабоуміе, третій высказывалъ идеи бреда.

⁶⁾ В. Х. Кандинскій. Къ вопросу о невмѣняемости. Спб. 1890. Стр. 213 Симуляція не чистаго слабоумія.

⁷⁾ Я. В. Гиршсонъ. Симуляція идиотизма. Арх. психіатріи. Т. VIII. В. 1 и 2. Стр. 65.

Судя по литературнымъ даннымъ, предметомъ симуляціи были различныя формы душевнаго разстройства и психопатическихъ состояній; симулировались: слабоуміе, ступоръ, острое безсмысліе, неистовство, бредъ величія, бредъ преслѣдованія, истерія, эпилепсія, отдѣльные патологическіе симптомы—галлюцинаціи, судороги, параличи и т. д. По мнѣнію *Legrand du Saulle* и *Tardieu*, больше всего шансовъ на успѣхъ можно имѣть при симуляціи меланхоліи и особенно состоянія оцѣпенѣнія, по мнѣнію же *англійскихъ авторовъ*, наоборотъ, труднѣе для распознаванія симуляція хронической маніи, иными словами хроническую манію легче всего поддѣлать. Д-ръ же *Говсневъ*, спеціально занимавшійся вопросомъ о симуляціи душевныхъ болѣзней, самой легкой и благодарной формой для симуляціи считаетъ систематизированный бредъ. На дѣлѣ же мы видимъ иное. Чаще всего симулянты прикидываются слабоумными, что прямо зависитъ отъ имѣющихся въ народѣ свѣдѣній о душевныхъ болѣзняхъ: тотъ только и сумасшедшій, кто говоритъ явныя нелѣпости и глупости и совершаетъ явно несообразныя поступки.

Сдѣлавъ эту краткую литературную справку, мы перейдемъ теперь къ описанію и разбору нашего случая.

Обстоятельства дѣла. Въ іюні мѣсяцѣ 1894 г., на одномъ изъ мукомольныхъ заводовъ Казанскаго уѣзда, помощникъ машиниста А. К—въ заявилъ управляющему заводомъ, что, 2 іюня 1894 г., онъ К—въ, желая поискать въ слесарной мастерской, гдѣ жилъ слесарь Д. П—въ, кусковъ жѣлѣза для разныхъ подѣлокъ, нашелъ въ печи мѣшечекъ, въ которомъ было 7 стальныхъ штамповъ, на трехъ изъ нихъ было изображеніе платы 15-ти

⁸⁾ В. И. Яковенко. Помѣщать-ли душевно-больныхъ преступниковъ вмѣстѣ съ душевно-больными и etc. Труды перваго съѣзда отечественныхъ психіатровъ. 1887. Авторомъ изъ 74 испытуемыхъ отмѣчено 4 симулянта. Одинъ изъ нихъ симулировалъ эпилепсію, а другіе—неизвѣстно что.

⁹⁾ А. А. Говсневъ. Симуляція душевныхъ болѣзней etc. Харьковъ. 1893. Здѣсь приведено нѣсколько случаевъ симуляціи помѣшательства.

¹⁰⁾ Г. Гинзбургъ-Шикъ. Объ испытуемыхъ въ Херсонской земской лѣчебницѣ для душевно-больныхъ за 1893 и 1894 г. Авторъ приводитъ нѣсколько случаевъ симуляціи душевнаго разстройства, большею частью слабоумія. Архивъ психіатріи est. 1895 и 1896 г.

копѣчной монеты, а на двухъ—изображеніе орла той же монеты, два остальныхъ штампа никакихъ изображеній не имѣли. Имѣлось подозрѣніе, что штампы эти принадлежатъ слесарю Д. П-ву, который, какъ это извѣстно было, ранѣе уже судился за поддѣлку серебряной монеты, но судомъ былъ оправданъ. Д. П—ва въ это время не было дома, а на другой день, когда П—въ вернулся на заводъ, положенныхъ въ печи штамповъ (штампы нарочно были оставлены въ печи, чтобы наблюсти, кто ихъ возьметъ) не оказалось. Тогда по предложенію полиціи рѣшено было П—ва якобы за прогулъ уволить со службы. 8 іюня, когда П—въ, получивъ полный расчетъ, собрался на паролѣ ѣхать въ Казань, урядникомъ онъ былъ задержанъ и тутъ же обысканъ. При обыскѣ у П—ва найдены были штампы, которые онъ пытался бросить въ рѣку Волгу. П—въ какъ при обыскѣ, такъ и на допросѣ у г. судебного слѣдователя объяснилъ, что онъ серебряной монеты не поддѣлывалъ, а только собирался совершить эту поддѣлку. П—въ по постановленію судебного слѣдователя былъ заключенъ подъ стражу въ С—ой уѣздной тюрьмѣ. 24 декабря 1894 г. П—въ получивъ копію съ обвинительнаго акта и объявленіе о назначеніи на 6-е марта 1895 г. къ слушанію его дѣла; въ ночь же на 31-е января П—въ проявилъ признаки душевнаго расстройства: сталъ заговариваться, былъ задумчивъ, пилъ мочу, не спалъ. Его помѣстили въ земскую больницу, здѣсь послѣ лѣкарствъ онъ сталъ спать и 10 февраля, т. е. черезъ 10 дней былъ выписанъ изъ больницы какъ не представляющій признаковъ душевной болѣзни. 14 февраля П—ву снова было объявлено распоряженіе суда о назначеніи къ слушанію его дѣла на 6-е же марта. 23 февраля, т. е. черезъ девять дней послѣ объявленія распоряженія суда, на разсвѣтѣ П—въ разбилъ въ камерѣ стекло и по суду, кричалъ, ругался, бранилъ священниковъ, служилъ молебень, неистово ругался, что ему мѣшаютъ заниматься дѣломъ, не ѣлъ и не пилъ. Тюремное отдѣленіе, по свидѣтельству врача, распорядилось помѣстить П—ва, какъ одержимаго душевною болѣзнію, въ Казанскую Окружную Лѣчебницу.

Анамнестическія данныя. 3-го марта 1895 г. подсудимый Д. П—въ былъ доставленъ въ Казанскую Окружную Лѣчебницу на излѣченіе и на испытаніе. Изъ свѣдѣній, собранныхъ г. судебнымъ слѣдователемъ, видно, что испытуемый Д. П—въ отъ роду имѣетъ 44 года, уроженецъ Воткинскаго завода, по профессіи мастеровой, женатъ, имѣетъ троихъ дѣтей. По словамъ отца П—ва и другихъ хорошо его знавшихъ, никто изъ родственниковъ П—ва не страдалъ никакою важною болѣзнію, никто не предавался злоупотребленію спиртными напитками. Дѣтство П—ва протекло обыкновеннымъ образомъ. 18-ти лѣтъ онъ перенесъ холеру, а 21-го года хворалъ сифилисомъ и лѣчился отъ него мѣсяца 4 въ воткинскомъ горнозаводскомъ госпиталѣ, лѣтъ 15-ти уналь въ кипятокъ и обварилъ себѣ ногу, спиртными напитками не злоупотреблялъ, характера былъ ровнаго. Отецъ никогда не наблюдалъ за нимъ никакихъ ненормальностей. Родной дядя П—ва сообщилъ, что племянникъ его Д. П—въ въ молодости занимался кражами, за что не разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. По словамъ свидѣтеля А. А—ва Д. П—въ водку пилъ, но немного. Съ воткинскаго завода П—въ уѣхавъ лѣтъ 20-тъ. Жена П—ва Ф. В. П—ва отказалась быть свидѣтельницей по дѣлу своего мужа.

При наблюденіи и изслѣдованіи Д. П.—ва въ Лѣчебницѣ найдено было слѣдующее. Для удобства наблюденія Д. П.—въ былъ помѣщенъ въ буйное отдѣленіе.

На приѣмѣ дежурному врачу П.—въ сказалъ, что ему 20-тъ лѣтъ, фамилію свою назвалъ вѣрно, на другіе вопросы ничего не отвѣчалъ. Въ отдѣленіе П.—въ пришелъ безъ всякаго протеста, покойно принялъ ванну, измѣрили т°, напилися чаю. Ординатору же отдѣленія, куда онъ былъ помѣщенъ, въ день приѣма, сказалъ, что его имя не Дмитрій, какъ въ бумагахъ значится, а Иванъ, ему 25 лѣтъ, у него была жена, да умерла (не вѣрно). дѣти были, но не знаетъ, живы они или нѣтъ, братьевъ и сестеръ, отца и матери у него нѣтъ—все умерли (не правда). Онъ родиной изъ «Чернаго Городка» около Баку, гдѣ онъ служилъ машинистомъ у товарищества Нобеля. Годъ теперь, по его указанію, идетъ 1875, мѣсяца же и дня не знаетъ, времяже года опредѣлялъ осенью (бесѣда была 3 марта). А можетъ быть теперь зима: смотри вездѣ снѣгъ? переспросилъ его врачъ. П.—въ же, какъ на доказательство своего миѣнія, указывая на маленькій клочекъ обтаявшей земли на дворикѣ, сказалъ: «вонъ цвѣты (никакихъ ни цвѣтовъ, ни травы) и березки». На замѣчаніе, что онъ говоритъ нелѣпости, продолжалъ говорить: «вонъ цвѣты—цвѣточки». Далѣе на распросы сказалъ, что онъ въ данномъ мѣстѣ находится уже недѣлю (дня не прошло), гдѣ онъ находится,—не знаетъ, откуда привезли его—тоже не знаетъ. Спокойно и упорно говоритъ, что онъ подъ судомъ и въ тюрьмѣ никогда не былъ. Въ глаза врачу избѣгалъ смотрѣть. На слѣдующій день онъ сказалъ, что ему 32 года, здѣсь (въ Лѣчебницѣ) находится вторую недѣлю, указывалъ на стрѣлку въ головѣ. Испытуемый во время разговора сидѣлъ покойно, потомъ началъ осматриваться кругомъ, нѣсколько прищуриваясь, будто желая что-то разсмотрѣть. На что это ты смотришь?—«Вонъ двѣ пичужки на *потолкѣ* сидятъ». Какого цвѣта?—«Голубого, шиш!» и махнулъ рукой. Но это онъ сдѣлалъ такъ неестественно, что присутствовавшій надзиратель размѣялся и П.—въ далѣе не продолжалъ шугать пичужекъ. Въ слѣдующіе дни на распросы врача о его бывшей жизни, сообщилъ, что въ маѣ прошлаго года, такъ говорилъ онъ, получилъ сильный ушибъ какою-то частью машины, лежалъ будто бы въ больницѣ, потомъ поступилъ на шхуну, гдѣ захворалъ отъ качки, поступилъ на рѣчной пароходъ, не знаетъ какой. На шараходѣ онъ ходилъ съ мѣсяць, захворалъ лихорадкой, лѣчился де въ Самарѣ, потомъ какъ-то попалъ въ Вольскъ. А изъ Вольска куда?—«Никуда—я теперь въ Вольскѣ, въ больницѣ», отвѣчалъ П.—въ. Развѣ тамъ есть такіа больница?—«Ну, можетъ быть въ Саратовѣ, въ Астрахани»... сталъ перечислять поволжскіе города, но о Казани же ни разу не упомянулъ службу на заводѣ, арестъ, пребываніе въ тюрьмѣ и проч. упорно отрицалъ и говорилъ, что онъ ничего не знаетъ. Про врача, бесѣдовавшаго съ нимъ, говорилъ, что онъ видѣлъ его у Нобеля. На просьбу врача взглядѣться хорошенько, правда-ли, что онъ видѣлъ когда-либо врача, онъ бѣгло смотрѣлъ въ лице ему, старался при этомъ держать такъ свое лицо, будто онъ пристально всматривается въ васъ, но глаза его просто «скользили», но не фиксировались. На вопросъ врача, что онъ вчера ѣлъ за обѣдомъ, сказалъ,

что чай и хлѣбъ (не вѣрно). А сегодня ты ужиналъ (бесѣда шла въ 11 часу дня)? Испытуемый, какъ бы соображая и припоминая, протяжно сказала: «кажется, нѣтъ»... А ужинъ скоро будетъ?—«Немного погодя». А обѣдать когда?—«Немного погодя». Какой сегодня день, П—въ?—Испытуемый довольно быстро отвѣтилъ: «день ясный» (дѣйствительно день былъ ясно-солнечный). Тебя не объ этомъ спрашиваютъ, а какъ называется день.—«Сегодня четвергъ (понедѣльникъ). Да развѣ такъ?—«Вѣрно говорю», съ дѣланною серьезностью и содерживаемымъ волненіемъ отвѣчалъ П—въ. Послѣ четверга какой день?—«Среда». Далѣе?—«Суббота». Потомъ?—«Вторникъ»... Воскресенье... Четвергъ», не торопясь, какъ бы обдумывая, перечисляя дни испытуемый. Сколько дней въ недѣлѣ?—«Семь». Насчиталъ же 6 дней. Несмотря на замѣчанія и поправки со стороны врача и больныхъ П—въ продолжалъ путать дни, не досчитываясь седьмого дня. Въ это время онъ въ лицо никому несмотрѣлъ, выраженіе лица его было сосредоточенное, пытлиое, желая показать этимъ, что онъ дѣйствительно серьезно все говоритъ и говоритъ такъ, какъ только знаетъ и умѣетъ. Въ послѣдующіе дни отвѣты испытуемаго имѣли одинаковый характеръ, онъ такъ же недѣло объяснялся, всячески стараясь показать крайнюю ограниченность своего ума. Молитвъ, говорилъ онъ, не знаетъ, молится просто: «Господи помилуй», на обѣихъ рукахъ онъ насчитывалъ 11-тъ пальцевъ, считалъ такъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 18, 19, 21, 21, 22, далѣе отказывался считать—не умѣетъ. Счетовъ будто онъ никогда не видалъ; денежные знаки показывалъ видъ, какъ будто онъ въ первый разъ ихъ видѣлъ, напр., монету въ 20-тъ копѣекъ называлъ пятялтыннымъ, пятялтынный—гривеникомъ, въ двухъ двугривенныхъ и одномъ пятялтынномъ у него вышло только 35 коп., бумажку въ три рубля означилъ рублевкой, достоинство рублевой бумажки отказался опредѣлить и долго при этомъ вертѣлъ ее въ рукахъ, всматривался, гладилъ ее, но ни разу не обернулъ той стороной, по которой собственно различаютъ бумажныя деньги безграмотный людъ. Мѣдныя монеты всѣ путалъ. При детальномъ разсматриваніи рисунковъ монеты называлъ крылья орла короной и на оборотъ. Часовъ, говорилъ онъ, никогда не видалъ и время часами не можетъ измѣрять. Ты вѣдь самъ говорилъ, что былъ въ машинистахъ, то какъ же не знаешь часовъ, долженъ знать не только часы, но и показанія манометра. Испытуемый молчалъ; чѣмъ врачъ очевиднѣе и настойчивѣе, основываясь на его прежнихъ показаніяхъ, доказывалъ, что онъ говоритъ неправду, что часы онъ долженъ знать, тѣмъ болѣе испытуемый чувствовалъ неловкость своего положенія, онъ былъ смущенъ. Дѣло дошло до того, что у испытуемаго лицо отъ внутренняго волненія сильно покраснѣло, на лбу появился потъ. Ты что это вспотѣлъ и покраснѣлъ?—«Нѣтъ, я не покраснѣлъ», со сдерживаемой злобой и досадою отвѣчалъ онъ. Врачъ еще настойчивѣе сталъ смотрѣть ему въ глаза, желая уловить его смущеніе и волненіе, П—въ въ свою очередь старался смотрѣть тоже какъ бы въ упоръ, стараясь выдержать пытливый взглядъ врача, при этомъ онъ старался долго не мигать, показывая видъ, что онъ можетъ «пересмотрѣть», стало быть онъ правъ, но онъ

это дѣлалъ такъ, что онъ хотя и смотрѣлъ на васъ, но взоръ свой онъ фиксировалъ гдѣ то неопредѣленно въ пространствѣ, какъ бы минуя васъ.

Приведемъ еще образчикъ бесѣды съ испытуемымъ. Бесѣда была среди больныхъ. Что это за народъ кругомъ, П—въ?—«Больные видно, какъ бы неувѣренно отвѣчали онъ. Чѣмъ же они больны?—«Не знаю». Ну, какъ они умомъ?—«Ничего». Кто же, по твоему, умнѣе изъ нихъ?—«Вотъ этотъ старичекъ, указалъ П—въ на слабоумнаго больного, находящагося къ тому же въ состояніи легкаго маниакальнаго возбужденія. Больной этотъ, стоя противъ П—ва, кривлялся, гримасничалъ, жестикулировалъ, дергалъ за руку то врача, то П—ва и выдѣлывалъ такія штуки, что едва можно было удержаться отъ улыбки. Неужели этотъ старикъ умный?—«Чѣмъ же онъ плохъ», тономъ невинной простовы отвѣчалъ испытуемый. А ты самъ желалъ бы быть такимъ? спросилъ врачъ.—«Ничего» и въ это время П—въ чуть сдерживался отъ смѣха, потому что больной, о которомъ шла рѣчь, началъ подпрыгивать козломъ. Кто по твоему, П—въ, умнѣе и болѣе подходитъ къ здоровому человѣку—этотъ старикъ или вотъ этотъ служитель? П—въ указалъ на больного.

Испытуемый не разъ указывалъ на существованіе у него обмановъ чувствъ, такъ, напр., 14 марта онъ былъ приглашенъ въ кабинетъ врача. Онъ сѣлъ и началъ потирать и жать голову. Болитъ голова?—«Да, ухо заложило». Простудился?—«Да, окно всю ночь было открыто». Зачѣмъ?—«Тутъ (въ спальнѣ) такой плясъ и пѣня были—только ну-ну». «Водку пили что-ли?—«Какъ же». Въ другой разъ (26 марта) въ объясненіе причины плохого сна (такъ она указалъ) сообщилъ, что по соседству съ нимъ была драка и крачали «караулъ» (ничего подобнаго не было), потомъ еще разъ говорилъ, что ночью къ нему приходили попы, стаскивали съ него одѣяло и звали его молиться, когда онъ вставалъ, то попы бѣгли отъ него. Не смотря на заявленіе испытуемаго объ галлюцинаціяхъ и при томъ такого живого характера, никто изъ служащихъ не наблюдалъ какой-либо перемѣны въ его поведеніи и мимикѣ, что могло бы свидѣтельствовать объ испытываемыхъ имъ обманахъ чувствъ.

Испытуемый, несмотря на ежедневные и повторные распросы и поправки касательно мѣста, времени, его прошлой жизни и проч., почти одинаково упорно продолжалъ говорить нелѣпости и несообразности. Наканунѣ своей выписки изъ Лѣчебницы говорилъ врачу, что у него 30-ть женъ. Но на ряду съ этимъ П—въ одному изъ испытуемыхъ, съ которымъ онъ подружился, очень толково высчитывалъ, сколько напр. механикъ Лѣчебницы можетъ получить на топливѣ барыша, если будетъ давать тепла на известное число градусовъ меньше требуемаго по контракту. Этому же испытуемому П—въ говорилъ, что доктора съ распросами ему надоѣли, «стоило бы директору ножъ пустить». Бесѣдовалъ онъ съ этимъ товарищемъ обыкновенно не гласно, избѣгая контроля служащихъ.

Относительно поведенія и настроенія П—ва можно отмѣтить слѣдующее: за все время пребыванія его въ Лѣчебницѣ онъ былъ тихъ, покоенъ, больше сидѣлъ, сидѣлъ обыкновенно нѣсколько опустивъ голову, былъ молчаливъ, ни съ больными (за исключеніемъ вышеприведеннаго испытуемаго),

ни со служащими самъ никогда не вступалъ ни въ какіе разговоры. Только когда надзиратель, при раздачѣ папирозъ, умышленно обходилъ его, онъ не выдерживалъ и просилъ папиросу. Онъ былъ вполне ранивъ, сразу запомнилъ МК, свое мѣсто за столомъ и въ спальнѣ. Въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ онъ былъ ровень, неторопливъ, медленъ. Выраженіе лица обычно покойное, невозмутимое, но не апатичное и не равнодушное. Испытуемый хотя обычно сидѣлъ съ поникшей головой, но всегда изъ-подълобья смотрѣлъ, слѣдя за большими и особенно, во время визитаціи, за врачомъ. Въ поступкахъ никакихъ странностей не наблюдалось. Онъ ничѣмъ не занимался. Поступки его были несложны: для проявленія своей душевной дѣятельности онъ ограничивался самыми простыми и необходимыми словами и дѣйствіями. Вообще онъ во всѣхъ движеніяхъ былъ крайне простъ и элементаренъ.

Вреднаго для себя ничего не дѣлалъ, напр., окурковъ не собиралъ изъ плевальницъ, какъ это сплошь и рядомъ дѣлаютъ слабоумные и бессмысленные. Отвѣты давалъ всегда не торопясь, съ большими паузами, стараясь всегда скрыть волненіе и смущеніе. Не смотря иногда на очень тяжелаго положенія, онъ всегда почти владѣлъ собою и разговоръ держалъ обычно въ одномъ тонѣ, не ускоряя рѣчи и не проявляя никакой торопливости и увлеченія. Говорилъ онъ обыкновенно только тогда, когда спрашивали и въ отвѣтахъ былъ кратокъ.

При физическомъ осмотрѣ и изслѣдованіи было получено слѣдующее:

П—въ средняго роста, умѣреннаго тѣлосложенія; костная система развита правильно; кожа чиста, упруга, въ правомъ паху имѣется поверхностный рубецъ, на лѣвой голени старые рубчики послѣ какихъ-то язвъ; правая носогубная складка слабѣе выражена, чѣмъ лѣвая. Ушные сережки не развиты, твердое небо глубоко, съ рѣзко выраженнымъ валикомъ по срединѣ. Въ языкѣ легкое фибриллярное дрожаніе. Въ органахъ груди и живота рѣзкихъ патологическихъ уклоненій не наблюдалось, тоны сердца глуховаты, пульсъ легкосжимаемый, 70 въ 1'. Механическая мышечная возбудимость въ предѣлахъ нормы, рефлексъ съ живота и съ m. cremaster очень вялъ, коленный рефлексъ повышенъ. Въ пальцахъ рукъ легкое дрожаніе. Зрачки сужены, равнобѣжны, удовлетворительно реагировали на свѣтъ и боль. При изслѣдованіи болевой чувствительности, на не ожидаемый уколъ булавкой испытуемый подпрыгивалъ. На послѣдующіе же уколы онъ обычной реакціи не проявлялъ, руки и ноги, когда наносили уколъ булавкой, не отстранялъ, а лишь тихо говорилъ: «тутъ не больно». При первыхъ уколахъ щеки и носовой перегородки испытуемый невольно отклонялся, но далѣе переставалъ отклоняться, глаза становились влажными, зрачки расширялись, а онъ продолжалъ утверждать, что не больно. П—въ очевидно сильно волновался, лицо было гиперемировано, изъ подъмышекъ капалъ потъ... При изслѣдованіи периферическаго слуха карманными часами получилось: при открытыхъ глазахъ—слѣва онъ слышалъ ходъ часовъ на разстояніи одного вершка, справа же—на разстояніи болѣе аршина; а при закрытыхъ глазахъ—слѣва слышалъ на разстояніи полъаршина, справа же не болѣе какъ четверти на двѣ. При закрытыхъ глазахъ отвѣты давалъ не

сразу, а долго думая и соображая. Костная проводимость въ предѣлахъ нормы. Звучащій камертонъ П—въ назвалъ свисткомъ съ завода Крестовникова. Для опредѣленія цвѣтоощущенія испытуемый подвергался два раза изслѣдованію (10 и 16 марта).

	10-го марта	16-го марта
Черный цвѣтъ назвалъ	Чернымъ	Чернымъ
Красный	Голубымъ	Краснымъ
Розовый.	Краснымъ	Краснымъ
Желтый.	Краснымъ	Желтымъ
Зеленый	Синимъ	Голубымъ
Темнозеленый.	Голубымъ	Зеленымъ
Синій.	Синимъ	Синимъ
Свѣтлосиній (голубой).	Чернымъ	Синимъ.
Лиловый.	Краснымъ	

Въ первый сеансъ испытуемый не сразу называлъ цвѣта, а по долгу разсматривалъ. При опредѣленіи зеленого цвѣта спрошено было, какого цвѣта трава и листья на деревьяхъ, сказалъ зеленого, но показывалъ на синій. Изслѣдованіе вкуса дало слѣдующее: про 10% растворъ соляной кислоты сказалъ: «не разберу». Можетъ быть вода?—«Вода», спокойно и невозмутимо отвѣтилъ П—въ. При пробѣ раствора сахара сказалъ «сладить». На что походить?—«не знаю». Растворъ поваренной соли назвалъ кислымъ. Растворъ хинина опредѣлилъ кислымъ и соленымъ вкусомъ. Вкусно?—«ничего». Изслѣдованіе обонянія: про деготь сказалъ, что не знаетъ чѣмъ пахнетъ, про бергамотовое масло сказалъ, что не хорошо пахнетъ и т. п.

Кушалъ испытуемый обыкновенно хорошо, лишь вначалѣ говорилъ, что пищу плохую даютъ: «щи готовятъ изъ дубовой коры, а кашу (шпенную) изъ капусты»... Отравленіе желудочно-кишечнаго канала все время удовлетворительное. Сонъ достаточный; положимъ испытуемый иногда не сразу ложился, а просидѣвъ часа два, ложился; но ни разу не было, чтобы онъ всю ночь не спалъ, онъ ложился частенько спать и днемъ. Всѣ тѣла за все пребываніе его въ Лѣчебницѣ не представлялъ особенныхъ колебаній.

При разборѣ клиническихъ данныхъ прежде всего бросается въ глаза *несоответствіе между мыслительной дѣятельностью или состояніемъ умственныхъ способностей*, какія П—въ старался показать въ своихъ отвѣтахъ и сужденіяхъ—*съ одной стороны и поведеніемъ и настроеніемъ его—съ другой*. Испытуемый, какъ мы видѣли, былъ слишкомъ ровень, ни разу не приходилъ въ аффективное состояніе, у него совершенно не наблюдалось склонности къ импульсивнымъ поступкамъ. П—въ всегда держалъ себя крайне сдержанно, проявляя временами громадную силу воли и самообладанія. Только

подъ конецъ испытанія, когда онъ, видимо, уже усталъ и утомился вести свою тактику, высказалъ своему товарищу, что онъ ударить директора за то, что онъ его спрашиваетъ.

П—въ хотя всегда внѣшне былъ покоенъ, невозмутимъ и какъ бы равнодушень, но при болѣе внимательномъ наблюденіи его мимики и дѣйствій, въ глазахъ всегда была видна жизнь и работа. П—въ будто уклонялся отъ больныхъ, игнорировалъ окружающее, но на самомъ дѣлѣ онъ за всѣмъ и за всѣми слѣдилъ ухомъ и глазомъ. Это особенно хорошо можно было наблюдать, когда испытуемый не замѣчалъ, что за нимъ смотрятъ и слѣдятъ. Выраженіе лица его было всегда сосредоточенное и серьезное. Наивной простоты, глупой растерянности и равнодушія мы не наблюдали у него. Иногда осязательное и очевидное обличеніе его въ нелѣпныхъ отвѣтахъ и сужденіяхъ и смущало его, но онъ старался скрыть это смущеніе; при этихъ обстоятельствахъ онъ становился еще болѣе упорнымъ въ высказываніи нелѣпостей. Противорѣчіе не раздражало его, въ споръ онъ никогда и ни съ кѣмъ не вступалъ, въ разговорѣ не увлекался, чтобы, напр., начать что-нибудь самостоятельно рассказывать и доказывать. Онъ говорилъ только на распросы.

Вотъ эта-то выдержанность и ровность въ тонѣ и манерахъ, серьезность, скрытность характера, умѣніе владѣть собою—все это совершенно не вязалось съ тѣмъ строемъ и состояніемъ душевной дѣятельности П—ва, каковую можно себѣ было составить изъ его отвѣтовъ и разсужденій. Такъ испытуемый не зналъ ни года, ни мѣсяца, ни дня, потомъ не только не могъ сосчитать въ должномъ порядкѣ дни недѣли, но и насчитывалъ ихъ только шесть. Онъ считалъ на столько плохо, что насчитывалъ на обѣихъ рукахъ 11 пальцевъ и считалъ такъ, что послѣ 11 говорилъ 13, потомъ 15, 18, 19, 21, 21, 22 и дальше уже отказывался считать. Счетовъ и часовъ онъ никогда, будто, не видалъ, денежные знаки всѣ путалъ, начиная съ трехрублевой бумажки и включительно до трехкопѣечной монеты, не могъ отличить у орла монеты, гдѣ корона и

крылья, называя одно вмѣсто другого. О своемъ положеніи, цѣли пребыванія въ данномъ мѣстѣ онъ ни разу не спрашивалъ, какъ бы нѣсколько этимъ не интересуюсь. Пробывъ въ Лѣчебницѣ день, онъ говорилъ, что живетъ недѣлю или двѣ... Испытуемый показывалъ, что онъ не въ состояніи былъ запомнить ни дня, ни числа, ни даже того, сколько времени онъ здѣсь находится, хотя объ этомъ его почти каждый день спрашивали и каждый разъ объясняли; словомъ, испытуемый не зналъ и не въ состояніи былъ понять и усвоить самыя обыкновенныя вещи, понятія и свѣдѣнія.

Отсутствіе вышеупомянутыхъ званій обычно приходится наблюдать у субъектовъ, находящихся на крайне низкой ступени умственного развитія—у субъектовъ слабоумныхъ, что, видимо, испытуемый и хотѣлъ представить, но врожденныя свойства его натуры: солидность, сосредоточенность и вдумчивость не могли быть уничтожены или извращены имъ. Эти качества его характера явно выступали наружу, противорѣча искусственно изображаемому имъ состоянію. Вѣдь при такомъ ограниченіи умственныхъ способностей, какое пытался проявить испытуемый, мы должны бы наблюдать равнодушіе, безразличіе или просто индифферентное отношеніе ко всему окружающему, но этого, на самомъ дѣлѣ, не было. Испытуемый слѣдилъ за окружающимъ, онъ всегда былъ на сторожѣ. Субъекты въ такой степени слабоумія обычно отличаются импульсивностью въ своихъ поступкахъ, изъ-за пустяковъ они могутъ приходиться въ аффектъ, у П—ва же мы ни разу ничего подобнаго не наблюдали. Слабоумный при извѣстнаго рода противорѣчіяхъ, а еще болѣе, если ему будетъ наноситься боль, приходитъ въ гнѣвъ и раздраженіе или съ испугомъ бѣжитъ отъ человѣка, причиняющаго ему боль. П—въ же при противорѣчіяхъ никогда не раздражался, при уколахъ булавкою не сердился и даже не отстранялся. Такіе слабоумные отличаются неряшливостью, они не скоро осваиваются съ мѣстомъ, они нуждаются въ посторонней помощи и опекаѣ. П—въ же съ перваго момента появленія своего въ Лѣчебницѣ не нуждался въ посторонней заботѣ и руководствѣ, онъ, какъ мы

видѣли, сразу запомнилъ свое мѣсто въ спальнѣ и за столомъ. Онъ былъ опрятенъ, не совался, куда не слѣдуетъ, гадостей не ѣлъ и не пилъ, окурковъ съ полу не собиралъ, папирсъ у другихъ больныхъ не выривалъ, а всегда ихъ просилъ у надзирателя.

Такимъ образомъ у испытуемато не наблюдалось, за время его пребыванія въ Лѣчебницѣ, соответствія между умственною дѣятельностью, съ одной стороны, и поведеніемъ и настроеніемъ, съ другой.

Допустимъ, что испытуемому удалось бы, до извѣстной степени, привести въ „гармоническое“ цѣлое, соответственно его желанію, проявляемые имъ симптомы глубокаго ослабленія умственныхъ силъ съ поведеніемъ и настроеніемъ, то и тогда, на основаніи тѣхъ клиническихъ данныхъ (отвѣты, разсужденія и проч.), каковыми мы обладаемъ, можно доказать, что его нелѣпые отвѣты и несообразныя сужденія суть явленія не свойственныя и не присущія данному состоянію умственной его дѣятельности, короче—на основаніи однихъ отвѣтовъ, взятыхъ самихъ по себѣ, можно прійти къ заключенію, что П—въ умышленно изображаетъ мнимое слабоуміе.

Общее исходное начало, усвоенное испытуемымъ, безъ сомнѣнія, было то, что чѣмъ нелѣпѣе и глупѣе онъ будетъ отвѣчать, тѣмъ естественнѣе, очевиднѣе и безспорнѣе онъ явится въ глазахъ другихъ сумасшедшимъ. Но это отсутствіе мѣры, а главное самый характеръ отвѣтовъ и способъ ихъ даванія ясно, чуть не на каждомъ шагу изобличали въ испытуемомъ грубую поддѣлку слабоумія. Что испытуемый гораздо больше понималъ и зналъ, чѣмъ какъ онъ себя выставлялъ,—это сквозило и проглядывало въ любомъ его отвѣтѣ. Такъ, испытуемый на вопросъ врача, какой сегодня день, очень быстро нашелся и сказалъ именно не то, что нужно было сказать, тогда какъ ясно было видно, что онъ вопросъ понималъ; порядокъ дней онъ говорилъ, какъ говорится, самый невѣрный—двухъ дней подъ рядъ не сказалъ вѣрно, хотя всѣ дни перечислилъ; или зная счетъ даже въ предѣлахъ того, какъ онъ показывалъ, онъ долженъ бы сосчитать вѣрно число

пальцевъ на обѣихъ рукахъ, но вмѣсто десяти онъ насчитывалъ одиннадцать. Такая же грубая утрировка при разборѣ денежныхъ знаковъ. Онъ называлъ монеты, какъ разъ наоборотъ, ни разу, хотя бы случайно, не назвалъ вѣрно, а судя потому, какія онъ давалъ опредѣленія, несомнѣнно нужно было заключить, что онъ знаетъ денежные знаки не только мѣднаго чекана, но серебрянаго и болѣе того. Если испытуемый свободно говоритъ 20-ть копѣекъ, 15-ть или пятиалтынный, гривенникъ, пятакъ, рублевка и проч., то очевидно эти названія (понятія) денежныхъ знаковъ усвоены имъ были раньше, усвоены не теоретически, а непосредственно — практически. При этомъ характерно для П—ва было то, что онъ при опредѣленіи достоинства кредитныхъ билетовъ не руководился обычнымъ, свойственнымъ безграмотнымъ лицамъ, способомъ—это цвѣтъ бумажки, онъ разсматривалъ и теръ какъ разъ противоположную сторону. Судя по поведенію онъ прекрасно различалъ, который служитель, который больной, кто умный, кто глупый. При опросахъ же со стороны врача онъ называлъ умнымъ и здоровымъ такого больного, котораго ужъ никакъ нельзя было назвать умнымъ. Еще болѣе П—въ выдавалъ себя при изслѣдованіи кожной болевой чувствительности и состоянія высшихъ органовъ чувствъ. Онъ, напр., говорилъ „не больно“, когда зрачекъ давалъ ясную реакцію противоположнаго характера. При изслѣдованіи цвѣтоощущенія въ первый же сеансъ ясно было, что онъ основныя цвѣта долженъ различать, потому что почти всѣ ихъ называлъ. При изслѣдованіи органовъ обонянія и вкуса таже тактика—говорить наоборотъ или совершенно не то, что очевидно само по себѣ. Такъ растворъ хинина, по его, являлся чуть не сладкимъ, 10% растворъ соляной кислоты назвалъ водою, запахъ дегтя ему не знакомъ, а бергамотовое масло не хорошо пахнетъ. При изслѣдованіи слуха показанія сбивчивыя и противорѣчивыя. При этомъ нужно имѣть въ виду, что П—въ давалъ показанія не торопясь, обдумывая, будто онъ желалъ, на самомъ дѣлѣ, сказать все вѣрно, но чѣмъ болѣе обдумывалъ, тѣмъ нелѣпѣе отвѣчалъ...

Однако П—въ не всегда говорилъ нелѣпности, иногда онъ высказывалъ и дальновидныя соображенія. Но такого рода сужденія врачамъ непосредственно отъ него не удавалось слышать, онъ такъ говорилъ только съ тѣмъ, кому довѣрялъ. Такъ онъ, какъ мы видѣли, прекрасно рассчиталъ, сколько можетъ механикъ Лѣчебницы получить барыша отъ отопленія.

На основаніи вышеизложенныхъ даныхъ и ихъ анализа мы высказали заключеніе, что П—въ, за время пребыванія его въ Лѣчебницѣ, а равно и въ моментъ совершенія имъ преступленія, душевнымъ разстройствомъ не былъ одержимъ, ненормальныя же явленія, обнаруженныя имъ въ Каз. Окр. Лѣчебницѣ, должны быть отнесены къ притворству.

Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что, пробудь П—въ въ Лѣчебницѣ подольше, онъ сравнительно въ скоромъ бы времени измѣнилъ свою тактику и объявился бы тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Пробывъ въ Лѣчебницѣ около 2-хъ мѣсяцевъ, онъ уже началъ сильно тяготиться тѣмъ вниманіемъ, какое ему оказывали врачи... Не даромъ онъ высказывалъ угрозу побить директора за то, что тотъ постоянно къ нему пристаесть.

Дѣйствительно, чрезъ 18 дней (3 мая) послѣ выписки изъ Лѣчебницы, П—въ былъ снова допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ и здѣсь онъ никакихъ нелѣпостей не проявилъ, напротивъ очень подробно сообщилъ о своемъ семейномъ положеніи и о прошлой жизни, совершенно согласно со свидѣтельскими показаніями. Далѣе, 30 мая т. г., уѣздный врачъ, свидѣтельствовавшій П—ва, тоже не нашелъ у него „никакихъ явленій неправильности душевныхъ и умственныхъ отправленияхъ. На вопросы, предлагаемые по разному поводу, П—въ отвѣчалъ ясно и логично“.

Въ концѣ іюля 1895 г. Дмитрій П—въ снова былъ помѣщенъ Окружнымъ Судомъ въ Лѣчебницу, но характеръ поведенія испытуемаго остался прежній; поэтому и заключеніе о состояніи его душевной дѣятельности осталось безъ измѣненія. Въ распорядительномъ засѣданіи Окружнаго Суда П—въ при-

знанъ былъ здоровымъ. Въ публичномъ же засѣданіи Суда П—въ такъ себя проявилъ, что присяжные засѣдатели и судьи не нашли возможнымъ продолжать и кончить процессъ. Дѣло было отложено и только въ августѣ 1896 г. было опять назначено къ слушанію. Я былъ вызванъ въ качествѣ эксперта.

Изъ показаній свидѣтелей, допрошенныхъ на Судѣ, оказалось, что П—въ среди своихъ знакомыхъ считался человекомъ умнымъ, толковымъ, хорошимъ мастеромъ, такъ что на заводѣ получалъ усиленную плату. По выходѣ изъ Лѣчебницы, по словамъ тюремной администраціи, П—въ за все его пребываніе въ тюрьмѣ особеннымъ себя ничѣмъ не проявлялъ, находился въ общей камерѣ, спалъ и ѣлъ хорошо, ничѣмъ порядковъ камеры не нарушалъ, ни разу не былъ штрафованъ и вообще ему не дѣлалось никакихъ замѣчаній, разговаривалъ больше съ однимъ арестантомъ, съ другими же избѣгалъ бесѣдовать. На судѣ же П—въ проявилъ себя совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. На обычные вопросы предсѣдателя говорилъ нелѣпости, говорилъ и держалъ себя крайне грубо, дерзко и даже цинично, отвѣчалъ не вставая, садился не туда, куда ему указывали. При разспросахъ и осмотрѣ врачомъ онъ держалъ себя возбужденно, ругался, говорилъ отрывочныя нелѣпости, говорилъ, что присутствующіе не люди, а собаки, которыя пришли на свадьбу... Словомъ характеръ его рѣчи и поведенія, за исключеніемъ возбужденія и цинизма, былъ тотъ же, что и въ Лѣчебницѣ.

На основаніи, во первыхъ, данныхъ, полученныхъ при клиническомъ наблюденіи Дмитрія П—ва, во вторыхъ, на основаніи показаній свидѣтелей, бывшихъ на Судѣ, и, въ третьихъ, на основаніи непосредственнаго опроса и осмотра подсудимаго мы высказали заключеніе, что Дмитрій П—въ въ моментъ совершенія имъ преступленія не былъ одержимъ душевнымъ расстройствомъ, въ таковомъ же состояніи онъ находится и въ данное время, а ненормальное поведеніе есть результатъ при-
творства.

Судъ согласился съ нашимъ заключеніемъ, и П—въ признанъ былъ вмѣняемымъ.
